

Иосиф Келейников

ВГЛЯДЕТЬСЯ В БЕЗДНУ

*Размышления психиатра
о быте и бытие*

Иосиф Келейников

Вглядеться в бездну

«Книга-Сэфер»

2016

Келейников И.

Вглядеться в бездну / И. Келейников — «Книга-Сэфер», 2016

Новая книга врача-психиатра и писателя Иосифа Келейникова – своеобразный итог его многолетних рассуждений о прошлом и настоящем, о быте и бытие. С позиций еврея, иудея, израильтянина, он «всматривается в бездну» времени и психики и преодолевает страх перед ней. В книгу вошли эссе, стихотворения и опыт ироничного диалога.

© Келейников И., 2016

© Книга-Сэфер, 2016

Содержание

Предисловие автора	6
Правая, левая? – Не та сторона	7
Запретный плод цивилизации	9
Винегрет из искусственных плодов	16
Тель-Шева[1]	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иосиф Келейников

Вглядеться в бездну

© Иосиф Келейников, 2016

* * *

Предисловие автора

Вначале была тьма над бездной... Оттуда наши истоки. Бездна... Пропась... Колодец...

Да, праотцы рыли в засушливом Негеве реальные колодцы. Напоить скот и людей. Вода – символ жизни. С течением времени колодцы обрели более глубокий смысл. В русском языке этот смысл выражается понятием «кладезь мудрости». По большому счёту – это понятие эзотерическое. Заглядывать туда страшно. Не зря каббалисты предостерегают не достигших сорокалетнего возраста от излишнего любопытства. В своё время Ф. Ницше испугался не на шутку.

Предлагаемый сборник не является психотерапевтической панацеей. Он – раздражитель, даже, – провокатор. В нём собраны разные по форме и содержанию размышления человека в иудейских очках. О прошлом и настоящем. Полемично и саркастично. С неизменной оглядкой на справедливость и доброту. С отвращением к тем, кто плюёт в колодец.

А старость, как итог? Ну, чем не тема?

Вглядываясь в бездну, начинаешь лучше понимать происходящее на нашей грешной поверхности. Рассеивается тьма, высвечивается перспектива, проясняется головокружительная цель мироздания. А, значит, и наши с вами цели.

Мироздание и мы!? При всём кажущемся противоречии, лептонная духовность мира и наша физиологическая душевность (вместе с нашей рубашкой), – одно благословенное поле. А цели – сплошь этические. И не спрашивайте, с чем их едят.

Правая, левая? – Не та сторона

Человеческий фактор аварийности... Человеческий фактор ошибок фундаментальных теорий... Человеческий фактор зигзагов истории... Всё можно объяснить болезнью роста, уровнем культуры и знаний, соблазном заглянуть то налево, то направо. И сослаться есть на кого: «бес попутал».

В еврейской общине может случиться всё, что угодно. Однажды престарелый плотник женился на девушке, а после свадьбы возникли проблемы. То ли муж оказался не на высоте, то ли случайный римский солдат подвернулся, то ли ангел в образе бога, то ли бог в образе ангела... Во всяком случае родился у девушки мальчик. С пупиком, или без, но уж точно от непорочного зачатия. А потом – пошло-поехало. Не в том смысле, что опошлилась местная история, а в том, что свихнулась вся история. Начавшись с детских комплексов, патологического развития, конфликтов в семье, в общине, а потом и с римским прокуратором, она завершилась распятием. Да, семейная история завершилась трагично. Зато человеческая история только начала разыгрываться. Проблематичный Неизвестно-Чей-Сын был не лыком шит: на небо взлетел, а след на грешной земле оставил. Да ещё какой! Грешники того и ждали: им без новых идеалов ну никак. Пошли искать гроб господень, плащаницу, локоны и прочие реликвии. Расписали Сикстинскую капеллу, размножили живые портреты, уничтожили шесть миллионов его соплеменников (из принципа «кто не с нами, тот против нас»). Грешники и по сей день не могут нарадоваться: господь-то грехи на себя взял, как прошлые, так и будущие. Грехи – не хочу. Во имя высокой морали и грешить не грех: того и гляди потребуются новые идеалы. Любви и братства, например.

А у кого не было проблем с идеалами? У всех народов и во все времена. Немецкий барон и французский энциклопедист Поль Гольбах тоже споткнулся на синагоге, посчитав её первой супругой небесного отца. «Он женился на ней, когда ещё был евреем, но она до такой степени его донимала (идеалами), что ей назло он сделался христианином и женился вторично, взяв себе в жёны церковь. Говорят, что он мало выиграл от этой перемены». Как бы ни так! Выиграл! Даже не познав идеалы новой супруги, он завещал своим потомкам ненавидеть идеалы первой. Потомки счастливы: от любви до ненависти один шаг! Да и шага делать не надо.

Тут бы хорошего психоаналитика пригласить, но где его взять? Был один великий, но по родству не вышел: мало того, что из того же племени треклятого, так ещё и детские травмы перенёс... Так что психоаналитическую теорию пришлось ему списывать с самого себя. А мы-то знаем, куда могут завести субъективные субъекты, верховодящие в истории, психологии, сексе, и, даже, в науке какой-нибудь. Ладно, другого приглашать не будем, но всё-таки, крайне осторожно, деликатно и с глубоким пиететом отнесёмся к идеям того самого корифея. Не мог же он обойти щекочущую тему. Он, как гений, нашёл простой выход. Вместо болезненно щекочущей иудео-христианской темы он ограничился приятно щекочущей иудейской. Действительно, чего ради вставать в позу перед Мадонной, кормящей младенца грудью? На неё же молится всё человечество, если не считать мусульман и прочих заблудившихся в трёх соснах. Зато заглянуть в неосознанное прошлое очень соблазнительно: одним махом можно разделаться с иудейским монотеизмом и почесать рога пророка Моисея. «Рога» по версии крещёного еврея Папы Юлия второго и скульптора Микеланджело появились вследствие ошибки в переводе библейского текста. (На иврите «рога» и «лучи» пишутся и произносятся одинаково). Переводчики, видимо, хотели угодить будущим психоаналитикам.

Пресловутый человеческий фактор, господа... Корифей З. Фрейд, анализируя Моисея, сомневался в его еврейском происхождении, сравнивал, Иегову с Зевсом и Эхнатомом, а в самом Моисее видел две несовпадающие исторические личности – Моисея египтянина и Моисея медианитянина. Более того, по предположению Фрейда, то ли один из Моисеев, то ли

оба, были убиты соплеменниками... (З. Фрейд, «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» 1938). Он не зря занялся столь древней историей: психоанализ Иисуса из Назарета мог оказаться слишком актуальным и опасным, как для его теории, так и для него самого: когда писалась книга, под окнами раздавался топот нацистских сапог. Воевать изнутри с христианством мог позволить себе такой «хулиган», как Ф. Ницше. А, ведь, мог бы З. Фрейд попытаться, хотя бы по одному, хотя бы заочно, уложить на психоаналитическую кушетку тех самых первых галилейских предков. Однако, тогда когда он писал эту книгу, куда интереснее было анализировать пациента, жившего 1200 лет до рождения Христа. И свободнее для фантазии и рыбка в мутной воде глупее. Что же выловил великий еврей-психоаналитик из глубоких источников цивилизации?

Религия, как ему было известно, не наркомания, а невроз. И лечится она не отвыканием, а Сознанием. Вся беда в том, что сознанием можно манипулировать. Основатель христианства Павел, став римским гражданином, и помня о своём еврейском происхождении, однажды употребил местоимение «мы»: «мы так несчастны потому, что убили бога-отца». По Фрейду еврейский народ – серийный убийца с вечным чувством вины: убив своего отца Моисея, евреи убили и сына бога – Иисуса. Эдипов комплекс, по-видимому, существовал задолго до Эдипа и до греков вообще. Согласно этому фундаментальному комплексу христианские евреи испутили свою вину, а иудеи остались со своим этическим носом – с чувством вины. Оказывается иудейский монотеизм «обладает незавершённым и незамкнутым характером навязчиво-невротического образования, и, вероятно, служит тайным намерениям понести наказание».

Кто ищет, тот найдёт. Фрейд, ссылаясь на некоего Эд. Зеллина (1922 г.), который, в свою очередь, ссылался на пророка Исая (вторая половина восьмого века до Рождества Христова), пишет, что «он обнаружил неоспоримые указания на предание, согласно которому, вероучитель Моисей погиб насильственной смертью во время восстания своего непослушного и строптивого народа. Одновременно была отринута введённая им религия». Ну, какова железная логика «неоспоримых указаний на предание»? Правда, Фрейд по этому поводу слегка извиняется: «...я не в состоянии решить, правильно ли интерпретировал Зеллин выдержки из пророков», но «...такие вещи нелегко придумать». От себя замечу, что придумать можно всё, что угодно, особенно если это угодно любимой психоаналитической концепции. Задолго до Фрейда, Зеллина и пророка Исая было написано Пятикнижие Торы. Завершалось оно вместе с последними днями Моисея. Тогда Бог продиктовал ему песню-пророчество – грозное предвидение судьбы жестоковейных богоборцев. Прочитал Моисей своему народу божественное наставление и умер. «И оплакивали сыны Израэля Моше на равнинах Моавитских тридцать дней». А потом спустились эти сыны на землю обетованную, и естественно, остроптивели. Такая, уж видно, судьба... Нужно ли приглашать психоаналитиков цивилизации? Родит ли еврейская семья своего собственного спасителя? Как бы то ни было, гитлеров ждать не надо: они приходят сами.

Прекраснодушные критики не обвиняют меня в искажении правды. Они говорят, что я замахиваюсь на святая святых других конфессий. Крестовые походы, эпоха Возрождения, инквизиция и нацисты не замахивались. Они уничтожали своих праотцев без зазрения совести. И их правда была на их стороне. Больше того, их правда распространилась и на прекраснотдушных миролюбцев.

Человеческий фактор, он и в еврейской семье – человеческий. Разве что на евреях лежит особая ответственность за грехи всех и вся. Да ещё и за прилипшие наветы: кто божью кровь пьёт? Кто его тело ест? Кто его любовь отгрызает? Не так важно еврейство Моисея, Авраама, самого Фрейда или Маркса с Жириновским. Даже посыл вождя или пророка не важен. Важен каждый этап общего прогресса, о котором оповещает нас Его Величество Беспристрастное Время.

Имеющие уши да услышат.

Запретный плод цивилизации

Как далеко мы ушли от своего начала! Не пора ли сориентироваться, оглянуться, разобратся в себе и в попутчиках?

Легче понять ближнего, чем самого себя. Ближний, как на ладони. А как понять дальнего? А как понять окружающее? Что делать с большим миром, в котором живём, не понимая самих себя? Что делать с очками чувств, воспринимающих окружающее вверх тормашками и в соответствии с цветом очков? Большое видится на расстоянии? Куда отойти от Вселенной, что бы увидеть нашу с ней слитность? Как выйти из себя, чтобы разобраться в своей душе, а, тем более, в своей духовности? Увы, без доверия к метафизике, без интуиции и без пси-феноменов, мы обречены оставаться субъективными эгоистами, стремительно превращающимися в балласт, в информационный шум, в лучшем случае – в космическую пыль. Пыль, хранящую в себе элементарную память мирового сознания. Да, мы уже начали беспокоиться об охране окружающей среды у себя дома, в своём городе, даже, на своей планете. Но до чистоты той самой космической пыли не доходят ни умы, ни сердца, ни руки.

Находясь в плену общественных отношений, крайне трудно оставаться самим собой. А, оставаясь самим собой, невероятно сложно прогнозировать общечеловеческие тенденции. И дело не только в моральной ответственности. Необходима осознанная потребность сотрудничать с окружающим миром.

В данном контексте речь пойдёт о таком большом объекте, как Культура. Эта категория настолько велика, что включает в себя и культуру микробов, и культуру аборигенов Австралии, и культуру Возрождения, и культуру внеземных цивилизаций. Не довольствуясь толковыми словарями, каждый уважающий себя интеллигент понимает культуру по-своему. Вот и Н. Рерих определил её как «Культ Света» на том основании, что «Ур» на иврите – свет. Красиво, но не очень научно. Чем не «урология духовности»?

Да, Культура, как объект, невероятно большая для досужего обозрения. Ограничимся той частью её необъятного спектра, которая связана с европейской моралью. Моралью, которую часто называют иудео-христианской. Подумаем, не приспособливаем ли мы мораль к своим физиологическим и бытийным нуждам? Не путаем ли высокие идеалы с низкими потребностями? Где, когда и кто дезориентировал нас? Кто поставил знак равенства между первыми Заповедями и человеческими ценностями? Ну, не сатана же! Это мы, мы сами выбираем то, что подешевле, поярче, покруче. Согласно вкусам, под нажимом рекламы...

Считается, что джентльменский набор «вечных вопросов» не меняется со временем. Да, набор тот же, но разве не заметно, как вместе с прогрессом он становится изощрённей, изворотливей и агрессивней? Напрасно аристократы духа бравируют готовностью жертвовать животом во имя идеалов. С тех пор, как мы обрели символическое мышление, Добро и Зло беспощадно воюют под флагом одних и тех же идеалов. Каждая сторона считает себя справедливой. В борьбе за равенство уничтожаются неравные, на борьбу за хлеб и зрелища бросается пушечное мясо. Гуманист Н. Рерих стыдливо краснел от ответов на вечные вопросы (расширение сосудов – физиологический признак готовности особи пролить свою кровь). Фашист А. Гитлер гневно бледнел от тех же ответов (спазм сосудов – готовность особи пролить чужую кровь).

Умирать за мораль и жить морально – разные категории. Физиология и духовность шапочно знакомы.

Да, физиологические и духовные потребности перекликаются друг с другом, но мы не понимаем их диалога. Пытаясь перевести их потребности на понятный нам язык, мы не находим связи между ними, мы запутываемся сами и запутываем проблему. Мы переводим их монологи, и каждый монолог понимаем по отдельности и субъективно... Подняться

до уровня их общения мешает наша пресловутая сапиенсова гордость. Но, даже поднявшись, сможем ли мы расслышать диалог христианства с иудаизмом на поле иудео-христианской культуры?

Всё в нашей культуре взаимосвязано и, одновременно, противоречиво. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Был каменный век, был бронзовый, идёт кибернетический. Научный и технологический прогресс потрясает мощью и ускорением. Могут ли при этом оставаться неизменными ценности? Вот ведь, дорожает даже квадрат Малевича. «Красота спасёт мир» – тщедушная соломинка для утопающих пацифистов, а ухватилось за неё всё человечество. Но фразочка-то была озвучена князем Мышкиным, да и то, со слов второстепенного героя. В романе «Идиот» нет интеллектуальных идиотов, только – моральные. Спрашивается, не сарказм ли Достоевского подsunул нам этот идиотский лозунг? Кто и какой красотой будет спасать неизвестно чей мир? Не вымощена ли наша дорога благими намерениями? Продолжать наступать на грабли? Рубить лес, чтобы щепки летели? Откуда у А. Карамазова и Ф. Достоевского возник священный ужас от сакраментальной мысли – «А что, если Бога нет? Ведь тогда всё дозволено!...». Или их подначивал Сатана смыться из трактира не расплатившись?

Сколько прекрасных лозунгов растворено в нашей крови? О, этот кайф и угар от великих и вечных ценностей! Они что, у Зла другие? Дело не в идеалах. Добро (Бог-Природа) – первично, а Зло (сатана-человек) – вторично. Вторичность Зла проявляется в дискредитации Добра, в извращении и отравлении источников Добра, в присвоении первичных плодов. Под яркими этикетками таится или панацея или отравка. Легче попробовать, чем утруждаться отличать. Тем более, что запретные плоды вкуснее. Сатана лучше Бога знает, чем соблазнить человека. Бог, по-видимому, не собирается снимать запреты на вкусное. Он возложил ответственность за решение проблемы на аппетит совести.

Не волхвов нужно бояться, не иванов сусаниных, не вождей пролетариата, а самих себя, падких на сыр в капкане.

«Лицом к лицу лица не увидать...» Зато можно поцеловать в губы, или укусить за нос, что мы и делаем. А вот, заглянуть в душу, хотя бы собственную, только мечтаем. Страшимся: как бы ни взглянула на нас оттуда нищенская пропасть. Типичный пример: профессор общей истории из университета в Тель-Авиве и преподаватель социальных наук в высшей школе Парижа, еврей Шломо Занд заглянул таки в свою душу и не обнаружил в ней ни еврейства, ни иудаизма, ни своего народа. Свой страх он изложил в книге «Кто и когда изобрёл еврейский народ?» (издана 31. 03. 10 – накануне международного дня смеха и розыгрышей!). Экзистенциальный страх изобретает психологические меры защиты, порождает суеверия, предубеждения. Это страх жизни, как и у Ж. П. Сартра. Отсюда – лозунги – душевные ширмы, шоры, близорукость. Отсюда – миграции, неофиты, притягательность толпы – социальные издержки войны Добра со Злом. Отсюда – беззубые идеалы для домашнего употребления. Страх жизни – порождение христианства. Отсюда – неуёмная потребность в любви и всепрощении. Разумеется, в рамках своей паствы. Вне коллектива-толпы умирает душа и освобождается дух. Отсюда – иррациональное приятие иудаизма. Разумеется, без рационального приятия иудеев.

Да, всё связано в нашей культуре, только не всё добровольно, полюбовно и разумно.

Раствориться в толпе может любой, кроме еврея. Остающийся евреем русский, монгол, японец или немец, всегда и везде будет вычислен антисемитами. Если тебе говорят, что ты пьян, пойдя, проспись. Еврей не пойдёт: он знает, что от него пахнет не алкоголем, а еврейством. Если большой народ говорит малому: «Сгинь! Тебя нет, ты остался в истлевших рукописях», то малый может схамить: «Я, пожалуй, единственный, кто сохранился с допотопных времён, а вы кто?». Но малый народ молчит и идёт дальше. Он – тот караван, который свыкся с лаем собак.

Если весь цивилизованный мир считает себя иудео-христианским, то евреям остаётся проспаться до лучших времён. Или жить в гетто. Или умирать в освенцимах. Иудео-христиан-

ский мир чтит мифы, а не суть. Снисходительно присваивая себе мифическую загадочность, этот мир умывает совесть и руки, как до, так и после кровопролития.

С евреями всё ясно: «осатанели», «распяли», «одурачили». Но что с цивилизацией? От какой такой неуверенности в себе она путает огородную бузину с киевским дядькой, а божий дар с яичницей? В состоянии ли она ревизовать в самой себе исторические события, их закономерности, параллели, преемственность этапов? Может ли она, гордясь собственным прогрессом, осознать его моральные издержки? Испытали ли римляне благодарность к грекам, когда «абсорбировали» в своей культуре греческих богов? Не боялись ли, что греческие богини судьбы Мойры поссорятся с римскими Парками? Нет, цивилизация не испытывает угрызений совести. Мифы породнились с искусством. Сюжеты имеются в избытке, и на любой национальный вкус.

За три тысячи лет до новой эры язычники Месопотамии оставили потомкам свои версии сотворения мира, существования царства мёртвых, рая и ада, попытки людей узнать божьи тайны. В частности, любопытна история бога Энки, страдавшего от болей в ребре: высшая богиня приказала родиться богине Нинти. Интрига в том, что шумерское «нин» обозначает «госпожа», а «ти» – и «ребро» и «жизнь». К этому можно добавить, что корень имени Ева (на иврите – Хава) также имеет непосредственное отношение к слову «жизнь». Преемственность мифов? Намёки на будущие клонирования? Воспоминания о пришельцах?

И ещё... То жена Лота, убегающая из адского пламени Содома, оглянувшись, и Лот её потерял (она превратилась в соляной столб). То Орфей, выводя из царства Аида свою Евридику, оглянувшись и потерял её. То Самсон порвал пасть льву, то Геракл. То история с Моисеем, что была связана с «избиение младенцев» в Египте, то история с умерщвлением младенцев – погодков Иешуа, ставшая тяжёлой травмой для будущего Иисуса (читайте версию Ж. Сарاماго в его «Евангелии от Христа»). Случайна ли преемственность исторических имён и событий? Один Иешуа, соратник Моисея привёл евреев в Землю Обетованную (около 1200 лет до новой эры), а второй Иешуа вывел из евреев апостолов, породивших впоследствии христианскую культуру. Иешуа (по-гречески Иисус) – Спаситель... Дело, конечно, не в преемственности, а в «улучшении» новоявленного имиджа. Так, в пику Самсону и Гераклу, христиане вспомнили о святом Герасиме, спасшем льва и ставшем первым защитником животных.

Кстати, об именах: сотворив человека, Бог дал ему право называть всё, что он видит, соответствующими именами. Согласно иудейским источникам, слова вообще, и имена в частности, имеют скрытый смысл. О, как далеко ушла наша лингвистика от вавилонского столпотворения! Как преуспели мы в иносказаниях и в изящной словесности! Вот, и жаны, хуаны, иоанны и прочие иваны... Знают ли они, что их имена происходят от иудейского Иоханана, обозначающего на иврите «Бог сжалился»?

Были и более принципиальные события. В кумранских свитках, за 300 лет до Рождества Христова, подробно описан Учитель-Мессия, словом, прообраз будущего Христа. Юный еврей из Назарета, был хорошо знаком с еврейской сектой ессеев, поселившихся в Кумранских пещерах. Впечатлительный, если не сказать больше, юноша идентифицировал себя с их Учителем. А дальше – «всё по плану, всё по системе», вплоть до инсценировки и режиссуры самоубийства. Вплоть до крестовых походов, инквизиции, попыток окончательного решения еврейского вопроса. Бей жидов, спасай человечество! Чего мелочиться!?

Оставьте французам искать во всём женщину. Куда круче – «Chercher l'homme!» – то есть, – мужчину, человека, человеческий фактор, наконец! И тогда обнаружится, что христианство от иудейства отделил не Христос, а апостол Павел. Именно Павел реформировал синагогу в церковь, ввёл иерархию в церковной службе, посеял бескомпромиссные конфликты между иудаизмом и христианством, а заодно, и между христианскими конфессиями. Уместно напомнить, что апостол Павел был не только искусным оратором. Низкорослый, щуплый и лысый, он презрительно относился к женщинам и животным. Он, выступая в синагогах,

называл себя фарисеем Шаулем, а в церквах – римским гражданином Савлом. Не скрывал, что смолоду яростно преследовал христиан, а повзрослев, – евреев... Мягко говоря, неоднозначная личность. Но, зато, однозначный человеческий фактор. – Для масс – судьбоносный.

Это он, Шауль-Савл-Павел, вослед еврейскому диссиденту Иешуа, превратил религию в спекуляцию, а значит, вернул цивилизации животное язычество.

Основной символ христианства – крест. Символ злопамятства, одобренный идеей искупления всеобщих грехов. Суть при этом не меняется – «Помните о муках живого бога!». Британский учёный-этолог Р. Докинз высказался по этому поводу однозначно («Бог как иллюзия»): вне зависимости от причины наказания, в современной Америке поклонники Христа возносили бы на храмы и вешали бы на шею электрические стулья и стульчики. Так декларируемый идеал любви и милосердия совпадает с идеалом отмщения неверным. Человеческий фактор, господа... Бог здесь – третий лишний. Впрочем, у христиан Бог не может быть третьим лишним: у них – троица!

В Библии сказано, что за восемнадцать столетий до рождества Христова Аврам сделал себе обрезание, став Авраамом и заключив союз с Богом. По этому поводу спустились к нему посланцы Всевышнего – три ангела. Один – подлечить и поддержать оперированного, а два других – сообщить о предстоящей беременности Сары и предупредить о намерении Бога уничтожить всех жителей Содома и Гоморры, погрязших в разврате. Как ни страдал Авраам от физической боли, он всё же нашёл в себе силы отстаивать перед Богом жизнь нескольких тамошних праведников. Вот и всё, что было сказано в источнике. Спрашивается, как могли нувориши от христианства увидеть в тех трёх посланцах Святую Троицу? И, кажется, даже, канонизировать, притянутую за уши инсинуацию?

Можно узурпировать чью-то власть, чьи-то права, можно совершить плагиат. Но присвоить трансцендентальные иудейские источники невозможно, как невозможно ограбить мироздание. О, как мы изнежены культурой! Как стыдливо проходим мимо, ненароком замечая в ней мародёрство! – Фу, какое грубое слово. И вот, уже не призрак коммунизма (с душком пархатости) бродит по Европе. Бродит вера в идеалы. Вера, «обогатившая» иудейские Заветы дополнительной моралью – умерщвлять свою плоть и подставлять вторую щёку для пощёчины. Вера в искупление грехов смертью, вера в Вечного Жида.

Шизофреники горазды на неологизмы. И мы туда же: изобрели «Мультикультуру» и обгладываем её как мозговую косточку. – Да, мол, мы за терпимость! Но попробуйте потянуть эту косточку на себя!

Европейская культура является примером высшего достижения цивилизации. С течением времени, христианская религия органически слилась с искусством, социологией, экономикой, наукой, даже, с «Протоколами сионских мудрецов». Даже, с «Ветхим Заветом». Даже, с всемилостивейшим прощением евреев церковью. Большая, очень большая культура. Куда бы ни отошёл, целиком её не охватишь. Разве что фрагмент какой-нибудь. Впрочем, отходить никуда и не требуется. Здесь и сейчас еврейская интеллигенция с гордостью причисляет себя к этой культуре: «Мы не ветхие ортодоксы, мы Энштейны, Фрейды, Ротшильды, Марксы, Винеры и прочие Абрамовичи». Однако, каждый из этих знаменитостей вносил частный вклад в общую копилку прогресса. Кто помнит о первых родниках культуры специалистов по аллегориям?

Мойры и Парки, Греция и Римская империя давно отконфликтовали, оставив своё наследие археологическим музеям. Но задолго до них у истоков цивилизации маячили две Личности – Авраам и Трисмегист. Они жили в одних и тех же ближневосточных краях, и в одно время. Приблизительно, за 1800 лет до Христа. Один заложил основы морали и монотеизма, другой – философии и науки. Их духовные и интеллектуальные коэффициенты поднимаются до уровня мифических Атлантов. Авраам – праотец еврейского народа. Трисмегист (Гермес Трижды величайший) – у поздних греков считался богом Гермесом, а у египтян – богом Тотом.

Эти два маяка ориентировали человечество на этическое исправление в будущем и на извлечение Знаний из архаического подсознания. Последующий поток и его разобшение на два русла (прикладное религиозное и прикладное научное), изрядно замутило современный океан цивилизации. Как часто от помутнения рассудка возникает эйфория, а с ней и упоение своим могуществом и прекраснотушением! Как кровотокащи последствия!

Борьба Добра со Злом продолжается. Сатана-человек ищет, где лучше. Бог-Природа зовёт туда, где глубже. Нас по-прежнему глушит транс-музыка, возносит готика, хоронит нефть и насыщает компьютерное общение. Религия золотых куполов уже не столько нуждается в прихожанах, сколько – в жертвователях. Религия прекрасных идеалов не оспаривается. Оспариваются, или замалчиваются первоисточники, затрудняя, таким образом, доступ к их трансцендентальному содержанию. Зато, для борьбы с «иноверцами», изобретаются пояса смертников и фальсифицируется коллективная память.

Согласно теории Д. Морено, любая спонтанная группа формируется и функционирует по определённым законам. В частности, структура группы предполагает распределение ролей. «Лидер» (формальный и неформальный), «экономист», «идеолог», «оппортунист» или «паяц», «функционеры». И, обязательно, «отвергаемый». Роли распределяются в процессе совместной деятельности. Место выбывшего члена группы пусто не бывает. Перераспределение ролей зачастую приводит к неожиданным пертурбациям: например, роль выбывшего «отвергаемого» может занять любой член группы, даже, бывший лидер. В каждой группе складываются отношения, психологическая атмосфера, конфликты...

Если рассматривать всё человечество, как спонтанную группу, а нации, входящие в неё, как членов этой группы, то открылись бы объективные возможности для анализа, диагностики, профилактики, прогноза и терапии цивилизации. Теория Морено давно отшумела. Что же творится сегодня? Повсеместная борьба за мир и дружбу? Кто за кого и кто с кем? Не уступают ли США, а вместе с ними и христианский мир, роль лидера ортодоксальным исламским режимам?

Пресловутый человеческий фактор процветает: тому способствуют социальные условия климата и почвы, и, конечно, чувственные очки, как индивидуальные, так и общественные. Большое не видится на расстоянии, тем более, что Большое в нашем сознании поменялось местами с Малым. Большая толпа требует хлеба и зрелищ. Малый народ ищет пятый угол. Безнадёжно отсталые страны клещат клыками. Зелёные глобалисты уповают на гуманность иудео-христианства. У Бога-Природы крайности сходятся. У сатаны-человека они удаляются друг от друга. Зазор между ними втягивает нас в домыслы, предвзятости, зазнайство. Отсюда и наша очередная заморочка: исключение из правил подтверждает правило. Но идеальное правило не имеет исключений! Идеальное правило – не правило, а Закон.

Это я, пытаюсь рассмотреть большое и малое изнутри, чувствую себя исключением из правил. Оставаясь человеком, задыхаясь в атмосфере лживых идеалов, я теряю веру в Человека, в его Путь и в его Цель. Ищу свой путь, свой выход. Заблуждаясь, несу ответственность. Не доверяя человеческим идеалам, я изо всех сил пытаюсь найти им альтернативу. Хотя бы допустить существование нечеловеческих, более высоких, и обобщённых идеалов. Идеалов нетто. Идеалов Бога, Природы, Мироздания. Я не настолько религиозен, чтобы упоовать на Бога, но руководствуюсь библейским – кто, если не я, скажет об этом? Истинно человеческое не замыкается только на человеке. Оно бесконечно больше земной цивилизации.

Приобщаясь к идеальному миру, я предполагаю, что у человеческой жизни нет финиша, но есть путь познания, исправления, перевоплощения. Помимо биологической души в нашем распоряжении находится её аура, родственная космическому сознанию. Эта аура содержит бесконечную информацию, несравнимую с прижизненными индивидуальными и коллективными знаниями. Сознывая свою причастность большому миру, необходимо стремиться к промежуточному финишу без суеты. Не умирать, но жить. Жить с удовольствием, не только душевным, но и духовным. Само по себе душевное удовольствие ничего не стоит. Без труда не вынешь

рыбку из пруда. Без страдания не оценишь нирваны. Нам предстоит драматическая переоценка ценностей, хотя бы, ради обретения смысла жизни и облегчения участи ближайших потомков.

Библейский завет любить ближнего, как самого себя, ничего общего не имеет с нашими трусливыми идеалами и двойными стандартами. Как можно любить себя, если я сам невнятен и агрессивен, если я весь из житейских артефактов и сделок с совестью? Как можно любить ближнего, если он бьёт меня по щеке только потому, что у меня есть щека?

На закате своих дней царь Соломон сетовал: «...нет у человека преимущества перед скотом; потому что всё – суета!» Знал бы он, что потомки спрессуют суету в догмы!.. Знал бы он, что потомки будут подыхать от морального голода, стоя между двумя аппетитными стогами – свободой выбора и социальными предписаниями!..

Куда отойти от себя плохого? Что и кому даёт моя культура? Как связать концы с концами? Не во мне ли всё дело? Не должен ли каждый обратить внимание на собственную культуру поведения? Ибо начала, концы и бесконечность между ними, – находятся в глубине каждого из нас. Математика с этим ничего поделаться не может, разве что – эзотерика. Лучше там, где глубже, если предварительно профильтровать осадки. Химия здесь бесполезна, разве что – алхимия.

Правила и исключения... Человеку остаются компромиссы. Необходимо расширять свой кругозор так, чтобы противоположности оказывались внутри нашего внимания. Так, чтобы по мере расширения знаний, сужались зазоры между крайностями рассматриваемого объекта. Так, чтобы орёл и решка становились одной медалью.

Мы путаем душевность с духовностью. Пока наш разум биологичен, душа и дух будут оставаться полярными. Иудео-христианская культура, как понятие, – душевный артефакт человечества, а по сути – языческий абсурд. Иудейская культура, как человеческое достояние, духовна и первична, тогда, как христианская – душевна и вторична. Житейские правила допускают единство иудея с христианином. Религиозные правила предполагают их несовместимость.

Религиозная истовость и узость кругозора ладят друг с другом, но и чувствуют свою неполноценность. Отсюда тяга христиан к почти безбожной, глубокой философии Вед, буддизма, Конфуция, Лао Цзы и др.

Великие культуртрегеры Е. Блаватская, Г. Гурджиев, Р. Штайнер, Н. Рерих, К. Юнг, У. Эко, Х. Борхес и мн. др., держали в руках компас иудаизма, но сидели на магнитной аномалии христианства и косились в сторону дальневосточной мудрости: чем дальше от Ближнего Востока, тем незаметнее корни и привлекательнее крона...

Если Бог един (как и Природа), то нет места для конфессий: разные конфессии – разные боги – разные правды – разные люди... Единство мира пугает своей таинственностью. Отсюда – побег в религию и искусство. Последнее, по определению, призвано быть альтернативой макромиру. Искусство и естество – ещё один комплекс буриданова осла. Выбор не прост: первое привлекает иллюзорной радостью, второе отталкивает необходимостью принимать судьбоносные решения в условиях ограниченной осведомлённости. Выбрав иллюзии, цивилизация расплачивается неврозом и, соответственно, неадекватным поведением. Отсюда – фонтаны слов на ветер. Среди множества толкований Слова хочу привести фразу писателя К. С. Аксакова: «Слово есть воссоздание внутри себя мира». В идеале – гениально. В реальности – мы не доросли даже до своих амбициозных лозунгов. Как легко мы выплёскиваем из себя слова! Как обиженно утираемся, когда эти слова возвращаются плевками! Или кровью...

Искусство, как катарсис неэффективно: оно с нами на одном чувственном поле. Не реальная ли опасность всеобщей гибели включит, наконец, механизмы рациональной (научно-технической) защиты? Но поступиться животным началом?! Ой, как трудно человеку!

Вероятно, мы научились говорить раньше, чем думать. У всех на памяти вавилонское столпотворение. Да, слишком рано мы тогда замахнулись на небо, вот и поплатились языко-

вой спутанностью. И сегодня во многих конторах за компьютерами сидят дрессированные обезьяны. А от них зависит наше благополучие...

Сатанинское это дело разобщать людей. Прикладная культура – симуляция единства, которая позволяет волкам и овцам гулять до поры до времени в виртуальном райском саду. Истина высвечивается в глубине иудейского колодца. Она принадлежит всем в равной мере. Просто, волею судеб, иудеи оказались первопроходцами и «вирусоносителями». Возможно, теми, в ком теплились отголоски знаний атлантов, гигантов, анаким или аннунаков (читайте книги З. Ситчина, шумерские тексты, Танах, наконец). («Анаким» на иврите – великаны, «Аннунаки» – космические пришельцы, описанные в шумерских мифах). Создаётся впечатление, что иудеи и шумеры пользовались одним источником информации.

А караван культуры у нас общий. Общие и источники живой информации. Говорят, что и вода информативна. Черпая, пейте с благодарностью.

Не доверяйте декларативным истинам. Истин во множественном числе не бывает. Бывают наши субъективные правды. Доверяйте единству противоположностей, а не борьбе между ними. В Природе жизнь и смерть не противостоят друг другу, они существуют и борются в нашем помутнённом сознании. Смерть, живущая в нас, питается банальными и приевшимися культурными ценностями, то есть, догмами. Именно догмы, в том числе и религиозные, заслоняют от нас Вечность. Мораль личности, как и общественная культура, построенные на догмах, обречены на вымирание. Кого может спасти (или обмануть) бытующая в сознании масс правда о том, что Иерусалим – столица трёх религий? Одной, господа! Только одной. Подумайте сами – откуда растут ноги у двух присовокупленных.

Не плюйте в колодец! Уважайте первоисточник: в его архаической памяти хранится голографический осколок Универсума. В наших крохотных элементарных частицах ДНК посеяно Знание. Посеяно задолго до появления членораздельной речи и символического мышления. Но и сегодня интеллектуальные способности малопродуктивны, потому что мы удовлетворяемся привычной данностью. Легче переварить заваливающую картофелину, чем обещанный ананас.

Смысл нашей биологической души – пожинать духовные плоды. Плоды Высшего Разума. Но, чтобы их обнаружить, нужно отказаться от цветных очков и процедить совесть. Плоды не запретны. Это мы до них не дозрели.

Но будьте осторожны: иудео-христианские плоды – плоды Сатаны. Тем более – гибридные... с исламом. Но это уже новая история Уроки в райском саду забываются.

Забывается и старое, доброе понятие – «Общечеловеческая культура».

Не будьте культурными, будьте умными. Умному, – согласно древнейшей иудейской поговорке, – достаточно намёка.

Винегрет из искусственных плодов

Извечное стремление людей всё сравнивать и сопоставлять, привело Р. Декарта к понятию дуальности. Мир поумнел. Оказалось, что мы колеблемся на пересечении всевозможных фундаментальных классов вещей и принципов, взаимовлияющих друг на друга, но не меняющих своих структур. С чем же это едят? Вопрос-то неудобоваримый: тут вам и добро со злом, и Сатана с Богом, и тьма со светом, и, даже, Инь с Янем вместе с корпускулами и волнами. Тем боле, что в ряду этих ассоциативных пар можно споткнуться на дуальности этнического творчества. Тут же возникает вечно актуальный вопрос: а как это для евреев?

Снизойдём до еврейского уровня понимания и зададимся вопросом: кто лучше – человек мира, то есть, космополит, или представитель национальной культуры? Опять не очень деликатно... Лучше так: как обстоят дела с этносом и нацией? Понятия близкие, но есть и принципиальные различия. Этнос образуется **воспитанием** в традициях определённой культуры, а нация – социально-историческими **интересами**. И опять спекулятивно: многие считают, что до государства Израиль еврейской нации не существовало, да и после появления государства осталась сомнительной.

Спустимся пониже. В чём единство противоречий между искусством и естеством? Но и этот вопрос лучше задать физикам и лирикам.

Спрошу-ка я вас, и себя заодно: чем отличается национальное творчество от межнационального? Чувствуете? Уже горячее. Здесь я, как рыба в воде. Хотя, рыба любит, где глубже, а я – где лучше. А лучшим и более понятным кажется искусство национальное: своя рубашка ближе к телу. Даже прилипает. Не потом, а генами. В межнациональном искусстве много от рынка и попсы, от пробивных способностей и «раскрученности» в средствах массовой информации. Конечно, талант и мастерство необходимы и там и тут, но это вотчина профессиональных критиков. А они сами дуальны: то конформны, то субъективны.

Поговорим о плодах национального творчества. Согласимся, что любое творчество – самовыражение **личности**. «Народное творчество» – выдумка примкнувших к искусству ремесленников и обывателей. Плоды национального творца, каким бы своеобразием он ни обладал, будут пропитаны архетипами, традициями и метафорами национальных истоков. Согласимся, что в любом искусстве, как правило, творцы мало управляемы, имеют черты асоциальных психопатов, анархистов и богемы. Властители дум в искусстве, зачастую, самые великие Иваны Сусанины. Нет сомнений, что любое национальное искусство богато такими типами. С. Дали, Ф. Кафка, П. Пикассо, В. Набоков, Ф. Достоевский... Список можете продолжить сами.

А на земле обетованной? Здесь свои причуды. Во-первых, древнейшие предписания ориентируют нас на естество, а не на искусство. Во-вторых, мы, как народ жестоковыйный, всячески уклоняемся от предписаний. Нам, во что бы то ни стало, хочется быть, как все. И, даже, лучше всех. А тут и до греха недалеко. Типичный пример: благополучная еврейская семья Данцигеров, почувствовав, что земля горит под ногами, в 1923 г. переехала из Германии в Палестину. Отец открыл клинику в Иерусалиме. Один из сыновей, Хаим, увлёкся сионизмом и искусством. В 18 лет поехал в Лондон совершенствоваться. Женился на мусульманке. Набив руки на скульптуре, через четыре года вернулся в Палестину без жены. В скульптуре пытался сочетать архаику с модерном. Национальный истеблишмент назвал это ханаанским стилем. А Хаим продолжал творить, склоняясь в сторону конструктивизма, примитивизма, абстракционизма, концептуализма, авангардизма, то есть в сторону межнациональных интересов. Желание быть, как все, победило.

Мы изобрели «измы» для того, чтобы ориентироваться в бесконечно дробящемся мире дуализма. Виноват не Декарт, а наш примитивизм, наше безоглядное подчинение авторитетам

и поводырям. «Измы» нам нужны для того, чтобы защитить мышление от шизофренического хаоса. Увлекаясь искусством, мы защищаем себя от пугающего, но чудесного образа идеального мира. От естества и естественности. Аттестат зрелости мы ещё не получили. Мы ещё не поставили знак равенства между идеальностью и естественностью.

В преддверии зрелости уместно руководствоваться поговоркой: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Получайте удовольствие от произведений национального, межнационального, абстрактного и любого другого искусства. Все они хороши, если явлены высоким мастерством из глубокой души личности, близкой вам по духу и воспитанию. Однако, не забывайте зреть сами.

При всей эклектике и плюрализме современного искусства, имеется тенденция к ассимиляции, диффузному взаимопроникновению культур. В противоположном направлении сохраняется архаическая связь с первоисточником культуры. Тем первоисточником, который ещё не замутился примесями дальневосточной мудрости, христианства и ислама. Остаётся надеяться на то, что евреи ассимилируются последними. Но это моё, частное предположение.

Во избежание конфликтов уважайте всех в равной мере, любите избирательно, питайтесь по вкусу.

Как вам этот винегрет?

Тель-Шева¹

Из Ура уходя ко всем ветрам,
возненавидев быт патриархальный,
уже бунтарь, ещё не Авраам,
он не мечтал о Беер-Шевских пальмах.

Всё впереди. – Не вздрогнет Мория.
И Ицхак никогда не рассмеётся...
Ещё не рыл колодцев для меня,
но я-то знал, что будут мне колодцы.

Хрущёвская Оттепель вернула людям не только имена уничтоженных советским режимом людей, но и их творчество. Появились и новые сопротивленцы, узники совести, диссиденты, барды... Оставшаяся власть имперского скудоумия и заносчивого отребья почувствовала себя голым королём. Железный занавес стал приоткрываться.

Годы отказов, унижений в ОВИРе, кэгебешные преследования. Борьба за репатриацию, отказ от гражданства. Полуподпольное существование. Наконец, разрешение, считанные дни для сборов, и отъезд. Отъезд... как много в этом слове!..

На вокзале в Новосибирске нас провожали самые верные, самые смелые друзья и родные. Уже после таможни, на перроне в Чопе меня с сыном остановил лейтенант-пограничник: «Куда ж ты его везёшь!? Ведь в Израиле он в армию пойдёт, а мы его и пришлём».

Вена. Аэропорт. Беер-Шевский улыпан... Всё в угарном тумане.

Первая экскурсия – Тель-Шева. Развалины, еле обозначенные кладки бывшего гостиного двора и жилых каморок, каменные ступы... И колодец. Колодец Авраама. Тогда, в 1981 году, территория древней Тель-Шевы не была ещё окультурена и обнесена забором. Камни. Камни. Пыль. По низким холмам – отары бедуинских овец. Два верблюда. Отсюда, через Хеврон, пошёл Авраам с Ицхаком на Храмовую гору, чтобы испытать власть своего Бога и свою веру в него.

¹ Тель – холм, курган; Шева – семь, Беер – колодец (иврит); Тель-Шева – место библейской Беер-Шевы, где обнаружен один из семи колодцев Авраама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.